

БОРИС КРИГЕР

**ТРАГЕДИЯ
О КОРИОЛАНЕ**

БОРИС КРИГЕР

ТРАГЕДИЯ
О КОРИОЛАНЕ

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Трагедия о Кориолане

Книга о трагедии "Кориолан" Шекспира предлагает современный взгляд на извечный конфликт между личностью и обществом, честью и компромиссом. Автор анализирует историю римского полководца, превращая её в актуальный комментарий о природе власти, манипуляции толпой и сложностях лидерства. Через образ Кориолана — гордого героя, отказавшегося угождать переменчивой толпе, — поднимаются вопросы о том, что страшнее: предательство своих принципов ради одобрения общества или верность себе, которая неизбежно приводит к изоляции и падению. Эта история становится зеркалом нашего времени, где публичное мнение формируется мгновенно, а лидеры вынуждены балансировать между искренностью и политической игрой.

Книга подчёркивает, что в современном мире, где эмоции толпы направляются цифровыми алгоритмами, трагедия Кориолана звучит как предостережение. Его отказ играть по правилам системы, требующей лицемерия, делает его одновременно героем и жертвой. Автор приглашает читателя задуматься о хрупкости власти, вечной борьбе между личными принципами и общественными ожиданиями, а также о том, может ли лидер, презирующий манипуляции, выжить в мире, построенном на них. Работа соединяет шекспировскую драму с анализом современных политических и социальных реалий, напоминая, что борьба за подлинность всегда имеет высокую цену.

ТРАГЕДИЯ О КОРИОЛАНЕ

Что страшнее: предать народ или предать себя? Герой трагедии Шекспира великий воин Кориолан выбрал оба варианта. И заплатил за это жизнью.

В каждом обществе есть свой Кориолан — человек, который выигрывает все битвы, но не желает улыбаться перед камерами и презирует толпу. Как долго он продержится у власти?

Он мог убить в одиночку множество врагов, но не мог сказать народу то, что чернь хотела услышать. Он мог спасти Рим, но не мог спасти себя от Рима.

Кориолан не был ни тираном, ни мятежником, ни даже предателем в привычном смысле слова. Он был воином, который не желал понять, что война не кончается победой.

Рим, который он спас, стал для него врагом. Народ, за который он проливал кровь, оказался чудовищем с тысячей голов, жадным до кровавых зрелищ. Каждый хотел кроху его славы, каждый видел в нем угрозу.

Его трагедия началась не на поле битвы, а на площади Рима, где плебеи выкрикивали вздорные обвинения как в театре. Но то был не театр, а суд над его непреклонностью.

Что страшнее: быть отвергнутым теми, кого ты спас, или быть возведенным ими на пьедестал, чтобы затем тебя же и низвергли?

И кто виноват — народ, который вечно всем недоволен и требует невозможного? Или человек, который не может склонить голову, даже если это единственный

путь к спасению?

Вы спросите, зачем копать в забытых трагедиях Шекспира, таких как «Кориолан»? Что это может дать нам, жителям двадцать первого века? На первый взгляд, может показаться, что истории о древнеримских полководцах и политических интригах далеки от современных реалий, однако в этой трагедии многое оказывается удивительно созвучно сегодняшнему дню. Сквозь пыль веков проступают не только личные драмы, но и противоречия общества, заставляющие задуматься над вечными вопросами морали, власти и человеческой гордости.

Сама фигура Кориолана, полного противоречий героя, ставит перед зрителем или читателем сложный выбор между симпатией и осуждением. Его отказ идти на компромиссы ради одобрения толпы и безграничная гордость влекут за собой как восхищение, так и неприязнь. Это характер, который вбирает в себя всю сложность политического лидера, а также человека, не желающего скрывать свою натуру ради политической выгоды. Здесь неизбежно возникает параллель с современными лидерами, чьи внутренние конфликты и борьба с общественными ожиданиями не менее ярки и полны драмы. Можно ли осуждать человека за стремление сохранить верность себе, даже если это разрушает его связь с обществом? Или, напротив, следует восхищаться его принципиальностью, пусть и губительной?

Наблюдение за политической игрой неизбежно действует на нас на психику. Почти каждый из нас, даже не обладая особыми аналитическими способностями, видит всю лживость, наглость и примитивность высказываний

лидеров. Нам понятна их риторика, их дешёвые уловки, их попытки выглядеть ближе к народу, оставаясь при этом бесконечно от него далекими. Мы слышим обещания, знаем им цену, но продолжаем слушать, потому что система устроена так, что нам всё равно приходится выбирать, даже когда выбирать не из кого. В какой бы стране мы ни находились, мы сталкиваемся с одними и теми же трюками, с одними и теми же методами, с одной и той же игрой, в которой правила нам известны заранее, но от этого она не становится менее изматывающей.

Кориолан в этом смысле понятен как никто другой. Он не просто отвергает политическую систему — он её презирает, и не пытается скрыть этого. В отличие от нас, привыкших терпеть, он отказывается играть в этот спектакль. Ему невыносима сама мысль о том, чтобы уговаривать народ, просить у него голоса, умасливать тех, кем он брезгует. Он знает, что его искренность станет причиной его падения, но продолжает гнуть свою линию, потому что компромисс для него равносителен уничтожению. Это даже не гордыня, а скорее абсолютное нежелание участвовать в этом фарсе, и за это он расплачивается изгнанием и смертью.

Нежелание участвовать в надувательстве, в пошлом спектакле, в котором давно известны все актёры, режиссёры и финал, ранит глубоко. Отказаться от выбора — значит оставить другим возможность решить за тебя. Сделать выбор — значит принять участие в том, что вызывает отвращение. Политическая система, где всё заранее predetermined, делает нас либо циниками, либо жертвами иллюзий. И когда видишь, как легко управлять толпой, как быстро меняются мнения, как

ловко те, кто вчера льстил, завтра уничтожают, приходит ощущение бессилия. Именно это и убивает Кориолана — он не хочет быть ни лицемером, ни марионеткой. Он не хочет играть. И потому он неизбежно становится жертвой.

Можно ли презирать народ и открыто говорить ему в лицо, что думаешь о нём? Кажется, такой вопрос звучит как вызов, почти как парадокс. Ведь народ — это сила, это масса, чьи симпатии и одобрение необходимы любому лидеру, чтобы удержаться на вершине. Но что происходит, если лидер отказывается лицемерить, отказывается подстраиваться под ожидания толпы и вместо сладких речей бросает ей в лицо правду, какой бы горькой она ни была?

Ответ на этот вопрос трагически прост: такая искренность становится самоубийственной. Народ редко прощает презрение, даже если оно заслужено. Толпа хочет, чтобы ею восхищались, чтобы ей льстили, чтобы её мнением дорожили, даже если сама она переменчива, подвержена манипуляциям и нередко слепа в своих решениях. Стоит лидеру сказать ей правду — о её капризах, о её легковерии, о её слабости, — как она мгновенно обращается против него. Кориолан стал жертвой именно этого. Он знал, каков народ на самом деле, и не только презирал его, но и не пытался скрыть этого. Для него было невозможно унизиться до угождения толпе, до раздачи обещаний, которых она жаждала. Вместо этого он бросал ей в лицо своё презрение, обнажая её слабости, и этим обрекал себя на неизбежное падение.

Но есть ли в таком поведении хоть крупица правоты? Возможно, да. Кориолан выбирает быть честным до

конца, зная, что это его погубит. Он отказывается от игры, в которой правила диктует толпа, и этим подчёркивает всю лживость самой системы. Такой выбор, конечно, не делает его героем в глазах народа, но делает его человеком, который до конца остаётся верным своей природе, каким бы суровым и неудобным он ни был. И в этом его трагическая правда.

Шекспир, как мастер, исследующий глубину человеческой души, показывает переменчивую природу толпы, которая сегодня осыпает героя славой, а завтра готова обрушить на него гнев. Эта непостоянная любовь народа, столь же актуальная в эпоху социальных сетей и молниеносного суда общественного мнения, делает трагедию Кориолана универсальной. Лейтмотив пьесы — конфликт между личной честью и необходимостью угодить общественным настроениям — не перестает быть значимым для любого времени.

Вчитываясь в строки этой трагедии, можно обнаружить не только увлекательное исследование политической борьбы и человеческого упрямства, но и важное напоминание о хрупкости власти, о том, как легко люди могут разочароваться в тех, кого еще вчера превозносили до небес.

«Кориолан» — это история о блестящем римском полководце, чья гордость и неспособность к компромиссу превращают его из героя в изгнанника. Кай Марций, получивший прозвище Кориолан за победу над городом Кориолы, возвращается в Рим, окружённый славой. Его воинская доблесть делает его кандидатом на консульство, но есть одно препятствие: чтобы занять пост, он должен обратиться к народу за поддержкой,

проявив покорность и смирение. Однако гордый и прямолинейный Кориолан презирует толпу, считая её переменчивой и неблагодарной.

Его отказ унизиться вызывает гнев плебеев, подогретый интригами трибунов, которые провоцируют народ на восстание. В результате Кориолан из героя становится врагом государства и оказывается изгнан из Рима. Охваченный яростью, он объединяется со своим бывшим врагом, вольскским полководцем Туллом Авфидием, чтобы отомстить. Их союз становится угрозой для Рима, но, когда Кориолан готов сокрушить родной город, вмешивается его мать, волевая и влиятельная Волумния. Её мольбы заставляют его отказаться от мести.

Однако этот жест милосердия становится для Кориолана роковым. Авфидий, видя в нём предателя, поворачивает оружие против него. Трагедия завершается гибелью главного героя, который до последнего остаётся верен своей гордости и непреклонной природе. «Кориолан» — это пьеса о конфликтах между личной честью, политической игрой и непримиримым характером, приводящим к падению даже самых великих.

Как сделать, чтобы толпа перестала толпиться? Чтобы множество людей, собравшись вместе, не превращалось в слепую силу, неспособную мыслить иначе, чем грубый инстинкт? Почему, по Лебону, каждый индивидуум, обладая своей волей, своим разумом, своей нравственностью, в толпе теряет всё это, становясь частью чего-то большего — но в то же время примитивного и разрушительного?

Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться. Толпа толпится, потому что в ней исчезает ответственность. Человек в одиночестве чувствует вес собственных решений, слышит внутренний голос совести. Но стоя плечом к плечу с тысячами, он с лёгкостью отдаёт свою волю тому, кто громче всех кричит, кто обещает простые ответы на сложные вопросы. Толпа притягательна своей силой, но в её единстве кроется парадокс: чем больше людей в ней, тем меньше она способна к разумным действиям. Разум уступает место эмоциям, а критическое мышление заменяется ритуалом подражания.

Как остановить это? Как вернуть толпе её утраченный разум? Возможно, невозможно. Лебон говорит о том, что толпа всегда стремится упрощать, эмоционально реагировать, следовать лидеру, который манипулирует её страхами или надеждами. Чтобы толпа перестала быть толпой, каждый из её участников должен снова стать собой — восстановить свою индивидуальность, осознать свою ответственность. Но это, увы, слишком тяжёлый путь, ведь толпа даёт ощущение силы, а сила опьяняет. Поэтому, когда человек становится частью массы, он не хочет покидать её. Она снимает с него груз выбора, а вместе с этим и груз вины. И, как показывает история, из тысяч таких "снятий вины" и рождаются самые страшные ошибки.

Может быть, ответ кроется в другом: не в том, чтобы разрушить толпу, а в том, чтобы учить её думать. Но возможно ли это, если её природа — быть водимой?

Теперь этот эффект толпы, о котором писал Лебон, кажется, проявляется ещё ярче, только в новой, виртуальной форме. Социальные сети стали

своеобразной ареной, где толпа больше не толпится физически, но действует точно так же. Множество голосов, сливаясь в единый поток, начинают терять свою индивидуальность, обнажая те же механизмы упрощения, эмоций и подражания. Эффект усиливается мгновенностью: одна вспышка — один пост, видео или твит — и начинается массовая реакция. Негативные эмоции — гнев, возмущение, страх — распространяются быстрее, чем спокойные рассуждения или критическое осмысление. Кажется, что этот виртуальный мир сделал толпу ещё более неуправляемой и опасной.

Особенно заметно это становится в контексте выборов. Лебон описывал, как толпа, действуя на основе инстинкта, выбирает лидеров, которые не обязательно самые разумные или компетентные, а те, кто способен воздействовать на её эмоции. В социальных сетях этот процесс только обострился. Политическая риторика всё больше сводится к коротким лозунгам, мемам и агрессивным высказываниям, которые, как ни странно, эффективнее всего воздействуют на коллективное сознание. Лидеры, которые умеют манипулировать массовыми эмоциями, получают неограниченные инструменты для воздействия: алгоритмы соцсетей подбрасывают людям именно ту информацию, которая поддерживает их мнение, превращая их в идеальную часть "цифровой толпы". В результате исчезает возможность видеть сложность, оттенки, альтернативные точки зрения — именно то, что отличает рациональное принятие решений от слепого подчинения инстинктам.

Выборы теперь больше напоминают не выбор, а эмоциональную дуэль, где побеждает не тот, кто

предлагает глубокие идеи, а тот, кто сильнее воздействует на чувства. Толпа, хоть и рассредоточенная по экранам, становится ещё более уязвимой для манипуляций. Иллюзия индивидуального выбора оказывается обманчивой, потому что на каждого участника давит коллективная энергия, общая волна, поддерживаемая алгоритмами и усиленная постоянным взаимодействием. Здесь нет времени остановиться, подумать или усомниться. Толпа уже решает за всех.

Эта новая форма массового поведения поразительна и пугающа одновременно. Теперь каждый может быть частью этой виртуальной толпы, даже не осознавая, что его собственные мысли и действия уже не совсем его. Возможно, именно это и ранит нас больше всего: ощущение, что, даже понимая весь процесс, мы остаёмся частью системы, где трудно быть независимым, где личное мнение слишком легко теряется в море общего шума.

Вчитываясь в строки этой трагедии, можно обнаружить не только увлекательное исследование политической борьбы и человеческого упрямства, но и важное напоминание о хрупкости власти, о том, как легко люди могут разочароваться в тех, кого ещё вчера превозносили до небес. Именно это делает «Кориолан» не просто пьесой о древности, но и призывом задуматься о природе власти, лидерства и об ответственности каждого перед обществом, не утрачивающим своей переменчивости даже в век технологий.

В эпоху истинной глобализации вопрос патриотизма становится всё более сложным и противоречивым. Можно ли требовать от человека любви и преданности

одной-единственной стране, когда границы стираются не только на картах, но и в сознании? Когда технологии, культура, экономика и даже личные связи выходят далеко за пределы государств? Возможно, само требование патриотизма, как безусловной привязанности к своей родине, начинает выглядеть подло или, по крайней мере, бессмысленно.

Современный человек физически может находиться в одной стране, но быть ментально, культурно или профессионально связанным с совершенно другой. Человек может жить в одном государстве, но работать на компанию, находящуюся за тысячи километров. Может говорить на языке, который роднее, чем государственный, или ощущать себя частью культурного и интеллектуального пространства, которое не совпадает с территориальными границами его гражданства. Интернет, миграции, международные сообщества — всё это создаёт ощущение, что принадлежность к одному месту становится искусственной и условной.

Патриотизм, в своём классическом понимании, часто предполагает приоритет интересов своей страны над всеми остальными, даже если это противоречит личным связям, ценностям или здравому смыслу. Но в условиях глобализации это требование становится контрпродуктивным. Оно создаёт конфликт между человеком и его реальной жизнью, заставляя выбирать между географической принадлежностью и тем, что для него действительно важно. Более того, когда государства используют патриотизм как инструмент давления, как способ контроля над обществом, это начинает напоминать манипуляцию. Под лозунгами любви к

родине от людей требуют лояльности, которая порой противоречит их личным интересам и даже универсальным человеческим ценностям.

С другой стороны, полностью отказаться от патриотизма тоже непросто. Для многих людей привязанность к родной земле, её культуре и истории остаётся важной частью идентичности. Вопрос, однако, в том, каким должен быть этот патриотизм. Возможно, он не должен быть слепым и агрессивным, тем, который отрицает всё чужое. В глобализированном мире патриотизм мог бы стать уважением к своей культуре и корням, но без претензий на исключительность. Любить свою родину — это не значит ненавидеть другие.

Однако требовать патриотизма в жёстком, почти военном смысле, когда людям нужно подчиняться стране только потому, что она их родина, вряд ли уместно в современной реальности. Глобализация показала, что мир стал взаимозависимым. Экономике, экологии, культуре — всё переплетено. И человек, который чувствует себя частью мира, а не одной страны, больше подходит для этой новой эпохи. Наверное, именно в этом и заключается вызов нашего времени: найти баланс между уважением к своим корням и открытостью всему миру.

Сюжет с изгнанием Кориолана и его союзом с врагами Рима перекликается с вопросами глобализации, патриотизма и лояльности. В момент отчаяния герой обращается за поддержкой к давним врагам, что само по себе воспринимается как предательство. Однако до конца он остаётся верным своей сути: даже против Рима он действует не из мести, а из чувства уязвлённой

гордости. В конечном итоге, когда мать убеждает его отказаться от разрушения родного города, это решение становится подтверждением того, что, несмотря на боль и обиды, связи с родиной и её людьми сильнее любых амбиций. Этот сюжет заставляет задуматься о современной реальности, где вопросы патриотизма и глобальной ответственности часто пересекаются, рождая сложные моральные конфликты.

Однако именно гордыня Кориолана, его негибкость и неспособность к дипломатии становятся главной причиной его падения. Его сила и героизм, столь значимые на поле боя, оказываются бесполезными в тонкой игре политических договорённостей. Шекспир предупреждает, что даже самые доблестные качества, если их сопровождает гордыня, могут обернуться слабостью. Современность даёт множество примеров, когда лидеры или организации, отказываясь от компромиссов, оказываются изолированными, теряя не только поддержку, но и влияние. «Кориолан» служит напоминанием о том, что успех требует не только силы, но и мудрости, способности учитывать разные точки зрения и идти на разумные уступки ради большего блага.

«Кориолан» удивительным образом отражает сложность взаимодействия общества и власти, показывая, как легко массы превращаются в инструмент в руках тех, кто стремится к влиянию. Народ в трагедии представлен как переменчивый и податливый, с лёгкостью меняющий

своё отношение к Кориолану. Сегодня он герой, которого превозносят за воинскую доблесть, завтра — враг, заслуживающий изгнания. Народные трибуны, искусно манипулируя чувствами плебеев, направляют их гнев в нужное русло, используя риторику «защиты народной воли» исключительно для достижения собственных целей. Этот образ толпы, подверженной влиянию демагогов, звучит пугающе современно, особенно в эпоху информационных войн, социальных сетей и технологий, которые делают общественное мнение легко управляемым. «Кориолан» становится предостережением, показывая, как опасно, когда общественная мысль превращается в инструмент манипуляции.

Второй ключевой аспект трагедии — это внутренняя борьба Кориолана, его невозможность найти гармонию между своими убеждениями и давлением извне. Он разрывается между лояльностью к Риму, гневом на тех, кто его предал, и стремлением сохранить свою честь. Этот внутренний конфликт становится не только основой его падения, но и универсальным уроком о том, насколько разрушительным может быть предательство собственной природы. Кориолан не может стать политиком, пренебрегающим принципами ради успеха, но и его гордыня мешает ему сделать шаг навстречу компромиссу. В результате он оказывается между двумя мирами: изгнанный из одного, но так и не ставший частью другого.

Этот урок актуален для любого времени. Поступить вопреки своим идеалам ради кратковременной выгоды

или давления извне — значит обречь себя на внутренний конфликт, который неизбежно ведёт к трагедии. Кориолан своей историей напоминает, что человек, теряющий связь с собой, становится уязвимым перед внешними силами, неспособным найти место ни в одном из миров. Этот образ вечной борьбы между честью, амбициями и компромиссом продолжает вызывать отклик, заставляя задуматься о том, как сохранить верность себе в условиях, когда мир требует обратного.

Трагедия «Кориолан» представляет собой исследование природы власти, личности и общества, напоминая, что лидерство требует не только силы и доблести, но и способности к гибкости и пониманию людей. Образ Кориолана служит предостережением: его героизм на поле боя не находит отклика в политической игре, где важны компромиссы и умение учитывать чужие интересы. Гордыня и презрение к народу превращают его из кумира в изгнанника, подчёркивая хрупкость общественной любви, которая легко обращается в ненависть под воздействием манипуляций.

Народ в пьесе изображён как инструмент, которым ловко управляют трибуны, использующие его изменчивость в своих целях. Толпа сначала боготворит Кориолана за его воинскую доблесть, но под влиянием демагогов быстро отворачивается от него. Эта переменчивость ярко

отражает современную реальность, где общественное мнение формируется и трансформируется мгновенно под воздействием информационных войн, медиа и популистской риторики. Пьеса напоминает о том, как легко можно направить массы, если умело манипулировать их страхами и желаниями.

Пьеса «Кориолан» остаётся актуальной благодаря вечным темам, которые она поднимает: борьба между индивидуальностью и коллективным сознанием, опасности гордыни и негибкости, манипуляции народом и природа власти. Шекспир мастерски показывает, что настоящий лидер — это тот, кто умеет сочетать силу с мудростью, а отказ понимать и учитывать других людей неизбежно ведёт к падению. В этом состоит её главный урок, важный и для прошлого, и для настоящего.

Мне кажется, Кориолан прекрасно всё понимает. Он не из тех, кто действует вслепую или не осознаёт последствий своих поступков. Наоборот, в его действиях чувствуется осознанное отторжение мира, который его окружает. Его яростное нежелание играть по правилам, требующимся от политика, и демонстративное презрение к народу — это не просто следствие его гордыни. Это скорее глубинное отвращение к самой системе, к этому карнавалу лицемерия и манипуляций, в котором он отказывается участвовать.

Кориолан, как мне кажется, вообще ничего не хочет. Ему не нужно избрание консулом, ведь власть, как таковая, для него бессмысленна. Этот пост не вызывает в нём ни

амбиций, ни стремлений. Величие на поле боя — единственная сфера, где он чувствует себя настоящим, но и это величие давно обесценено в его собственных глазах. Он презирает не только толпу, которая легко меняет мнение, но и себя — за свою принадлежность к этому миру, за собственные слабости, за то, что его доблесть становится инструментом в руках тех, кого он ненавидит.

Его падение кажется почти неизбежным, но что важнее — он сам делает его таковым. Кориолан провоцирует свою гибель, будто нарочно выстраивая путь к собственной катастрофе. Его поведение, его резкие слова, его абсолютная непримиримость — это не ошибки, которые он мог бы избежать, это его сознательный выбор. Он как будто ставит себя в ситуацию, где исход один. Он отвергает всё, что могло бы его спасти: народ, семью, даже возможность отомстить Риму до конца. Его предательство себя — это трагедия, которая разворачивается на его собственных условиях.

Именно это делает его настолько величественным и трагическим одновременно. Он понимает, что не вписывается в мир, построенный на компромиссах, где каждый человек вынужден играть роль. Он не хочет подстраиваться, и не потому, что не может, а потому что это для него унижительно. Его гибель становится логическим завершением его сопротивления. Он разрушает себя, потому что жить в таком мире для него гораздо хуже, чем умереть.

References

1. Bloom, H. (2008). *Shakespeare: The Invention of the Human*. Riverhead Books.
2. Bradley, A. C. (1991). *Shakespearean Tragedy*. Penguin Classics.
3. Eagleton, T. (1986). *William Shakespeare*. Blackwell.
4. Greenblatt, S. (2004). *Will in the World: How Shakespeare Became Shakespeare*. W. W. Norton & Company.
5. Plutarch. (2004). *Lives of the Noble Grecians and Romans* (Trans. John Dryden). Modern Library Classics.
6. Wilson, J. D. (1952). *The Essential Shakespeare*. Cambridge University Press.
7. Wood, M. (2003). *In Search of Shakespeare*. BBC Books.
8. Zunder, W. (1994). *Coriolanus and the Politics of Citizenship*. *Shakespeare Quarterly*, 45(1), 23–41.
9. Kriger, B. (2024). *The tragedy of Coriolanus: Pride, power, and the rejection of compromise. A Shakespearean exploration of individualism, authority, and the cost of integrity*. The Common Sense World.
10. Kriger, B. (2025). *Patriotism in the era of globalization: Challenges, contradictions, and new perspectives. Rethinking national loyalty and identity in an interconnected world*. The Common Sense World.
11. Anderson, B. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Verso.
12. Beck, U. (2006). *The Cosmopolitan Vision*. Polity Press.
13. Gellner, E. (1983). *Nations and Nationalism*. Cornell University Press.
14. Held, D., & McGrew, A. (2002). *Globalization/Anti-Globalization*. Polity Press.
15. Nussbaum, M. C. (1996). *For Love of Country? Debating the Limits of Patriotism*. Beacon Press.
16. Sassen, S. (2006). *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*. Princeton University Press.
17. Smith, A. D. (1991). *National Identity*. University of Nevada Press.
18. Wimmer, A., & Schiller, N. G. (2002). “Methodological

Nationalism and Beyond: Nation-State Building, Migration and the Social Sciences.” *Global Networks*, 2(4), 301–334.

19. Yuval-Davis, N. (2011). *The Politics of Belonging: Intersectional Contestations*. SAGE Publications.
20. Zizek, S. (1997). *The Sublime Object of Ideology*. Verso.